

Взаимодействие смысла и формы в конструкциях с синтаксической аппликацией

Аннотация:

В понимании, восприятии высказывания, текста огромную роль играет их формально-грамматическое выражение, синтаксические особенности. На изменение первоначального смысла фразы часто влияет ее синтаксическая валентность, сочетаемость с другими словами, фразами. Этот перечень может быть дополнен асимметрией между смыслом и формой, влиянием формы на смысл высказывания, а также установкой автора речи на языковую игру. При этом важен учет специфики личности реципиента, уровень его интеллекта и языковая интуиция.

Ключевые слова:

Синтаксическая аппликация, исходное предложение, опорный компонент, прагматическое транспонирование, закон симметрии/асимметрии.

Несомненна роль синтаксиса в понимании, восприятии высказывания, текста. В ряде случаев именно форма, структура, в которую облекается высказывание, имеет решающее значение для понимания, интерпретации речи. Зачастую такими определяющими факторами являются параллелизм, антитеза, прерванные конструкции, недоговоренные, эллиптические, построения, конструкции с контекстным возмещением, с синтаксической аппликацией, зевгматические структуры, антитеза, паронимическая аттракция. В.И. Кодухов сделал вывод о том, что «специфика синтаксических зависимостей состоит в том, что зависимости постоянных и переменных членов синтаксического ряда группируются по типам содержательных отношений, наполненных синтаксическими и другими значениями, что (вместе взятое) и образует *непосредственную форму конкретной мысли*» (3; 113). В связи с этим логично будет допустить, что синтаксические особенности ряда конструкций могут играть одну из определяющих ролей в образовании и понимании их смысла, поскольку «синтаксис... – это и есть тот отдел, откуда осуществляется перекодировка информации в более сжатые формы – смысл» (4; 37).

На изменение первоначального смысла фразы часто влияет её синтаксическая валентность, сочетаемость с другими словами, фразами. Например:

«Народу нужна свобода прессы. Без нее он ничего не значит». Михаил Горбачев, бывший президент СССР. (Газета «Ветеран», №15, 2001, с.3, раздел «Художественный НТВист»).

Комментарий газеты: «У Горбачева всегда так: первая фраза верная, зато вторая ни в дугу. Стоило прессе заговорить о том, что он может занять важный пост на телеканале, как он сразу же поставил прессу... выше народа» (там же).

Особый интерес, на наш взгляд, представляет изучение специфики проявления всеобщего закона симметрии/асимметрии между смыслом и формой в конструкциях с синтаксической аппликацией. Языковым материалом для данного исследования послужили газетные заголовки последних лет.

Есть основания полагать, что наиболее ярко асимметрия между смыслом/значением и формой проявляется на уровне синтаксических единиц уже потому, что одно и то же значение может быть представлено на различных синтаксических уровнях и в разных синтаксических конструкциях и позволяет охватить синтактико-семантические факты как систему со своими собственными единицами.

Известно, что отличительные черты современного синтаксиса – экономия речевых средств, преобразование с целью упрощения синтаксических конструкций, расчлененность подачи информации, а также экспрессивность и эмоциональность высказывания. На наш взгляд, все перечисленные явления, обусловленные речезыковой симметрией/асимметрией, можно усмотреть в **конструкциях с синтаксической аппликацией** (2; 134), которые были выделены в особую группу среди неполных предложений Е.Н.Рядчиковой. Логически соединяясь, накладываются друг на друга структурно простые предложения, последнее из которых обязательно неполное. Поскольку первое предложение может быть полным по структуре, то уже здесь, на уровне формы конструкции с СА проявляется асимметричность. Аплицированные предложения получают область пересечения – общую смысловую, лексическую и грамматическую область, опорный компонент (ОК). Отрезки разграничиваются на письме сигналом коммуникативной самостоятельности, чаще всего точкой, а в речевой реализации соответствующей интонацией. Наложение на ОК «осколка» другого предложения влечет за собой различные изменения в его лексической и грамматической семантике. Например:

Шумахера завалили. *Наградами*. (Комсомольская правда. 2004, № 87).

В данной аппликативной конструкции на первый план исходного предложения выходит не прямое значение глагола «завалить», что значит «наложив, забросав чего-нибудь, наполнить, загроздить», а преобладающее в последнее время разговорное значение, которое означает «уничтожить, убить». Глагол «завалили» несет в себе

агрессию, а апплицированное предложение возвращает ему прямое значение. Такая форма (расчлененное построение) привлекает к себе внимание читателя.

АП есть осколок, неполная часть предложения, но не исходного, как это бывает при парцелляции, а нового, поскольку АП зачастую включает в себя компоненты, не содержащиеся в исходном предложении (ИП), или же далеко не все компоненты ИП могут быть перенесены, заимствованы в АП. У этого нового предложения один или несколько членов совпадают с членами из ИП, но опускаются, не произносятся во избежание повтора и связанного с ним словесного нагромождения. В коммуникативном отношении подобное АП является средством выражения субъективной модальности, выражает эмоционально-оценочное положительное значение. Примеры:

«Юкос посадят в конце мая. А летом будут окушивать». (Новая газета, 2004, № 35-36).

В статье под таким названием идет речь о новом сорте картофеля «Юкос», выведенного селекционерами Нарымской государственной селекционной станции. В данном контексте содержится не только аллюзия на название известной нефтяной компании «Юкос», но и обыгрываются разные значения глагола «посадят»: «посадить в тюрьму человека» и «посадить в землю овощи». Второе значение раскрывается благодаря апплицированному предложению.

Детективщица Платова предрекла смерть «Татушек». *Как группы*. (Комсомольская правда, 2004, № 29).

Заложённый в первом предложении смысл о смерти девушек из группы «Тату» сводится в аппликативном построении всего лишь к распаду группы.

При восприятии аппликативных конструкций (особенно устным) на первое место выходит его смысл, игра слов. При создании конструкции процесс мышления идет двумя путями: во-первых, выстраивается структурная семантика блока. Во-вторых, в соответствии с волей автора, его мышлением, знаниями, потребностями контекста, ситуации речи расщепляется интенционал, т.е. ядро значения (лексического или грамматического). Одна часть его наполняет ИП конструкции, другая часть помещается в АП. Конечная цель логико-мыслительных операций – переосмысление лексико-грамматического состава первой части аппликативного построения.

Существует непосредственная связь между формой и смыслом текста: «раз есть форма, в ней должен быть скрыт какой-то смысл»; «партитуре содержательности» соответствует не менее богатая «партитура формь», в которой одновременно действуют разные ряды средств выражения, которые, выступая одновременно, оказываются совокупным соответствием... сложного, постепенно развиваемого в тексте смысла. Считаем, что по отношению к СА эти связи усиливаются: чем особенней, специфичнее форма, тем специфичнее заложенные в нее смыслы. Композиция единиц текста превращается в организующую силу процесса понимания.

Китайцы продолжают бомбить американцев. Пока – *бутылками* (Комсомольская правда. 1999. 12 мая).

Это заголовок к статье, в которой рассказывается, как китайцы забросали американское посольство бутылками с горячей жидкостью. Само название статьи говорит о

тщетности попыток китайцев привлечь к себе внимание. Глагол «бомбить» несет в себе агрессию, а АП изменяет семантику всего высказывания до парадоксальности.

Форма конструкции с СА является сигналом, призванным обозначить наличие «подводного», глубинного смысла и/или дополнительной информации к сказанному.

Большая информативность, экономия лексических средств конструкций с СА используется журналистами для создания своего, отличного от других стиля. Аппликативные построения могут быть средством скрытого, неявного внушения, подспудного нагнетания эмоций или опосредованного побуждения к действию, средством создания определенного отношения к объекту речи у реципиента.

Перед приговором Киркоров сдал анализы. *Лингвистические* (Комсомольская правда, 2004., 12 августа).

Защитники Филиппа хорошо овладели русским языком. *Матерным*. (Комсомольская правда, 2004, 13 августа).

Публикации посвящены расследованию скандала, связанного с именами Филиппа Киркорова и ростовской журналистки Ирины Ароян. Об отношении журналиста к проведенной лингвистической экспертизе можно судить по заголовку.

В публицистике выделяются в особую группу заголовки, использующие в своей основе парадоксы:

Дашь учителям... *Отпускные* (Аргументы и факты. Краснодар. 1999. №17).

Среди парадоксов, используемых в публицистике, выделим новую разновидность – социальный парадокс, в котором совмещаются несовместимые понятия в социальной сфере. Этот вид СА в наибольшей мере характерен для публицистики.

Включите холодильник... *В радиосеть* (Российская газета. 1999. 15 мая).

Последствия такого включения известны. В статье речь идет о том, что доходы населения резко упали, многие семьи живут за чертой бедности и, как следствие, холодильник, в котором хранят продукты, уже не нужен.

На наш взгляд, универсальный закон симметрии/асимметрии проявляется в конструкциях с синтаксической аппликацией в том, что, с одной стороны, их форма определяет содержание, которое, в свою очередь, определяется формой. А с другой стороны, в таких построениях зачастую происходит расширение или сужение объемов семантики по сравнению с исходным, первоначальным.

Е.Н. Рядчикова пишет, что в современной речи, особенно в заголовках газет, обращает на себя внимание стремление строить каламбуры и шутки на «сбивании» пафосности речи, высокопарности многих устоявшихся речевых оборотов, строящихся на устойчивых синтаксических схемах, как, например, такой перепад от вежливого обращения к возмущению и осуждению, без обращения:

Дорогие депутаты! *Ну очень дорогие...*» (Заголовок. АиФ-Кубань. 1997. № 22);

«Россия была, есть...

И будет есть!

Но что?» (Заголовок, сопровождающийся подзаголовком «Ваш холодильник». Комсомольская правда. 1998. 31 окт.) (5; 173).

Говоря об обыгрывании первой пафосной фразы-клише с последующим наложением на нее обычной фразы, Е.Н. Рядчикова отмечает, что в таких примерах происходит сужение или расширение семантики, «перепад» от общего, абсолютивного значения к частному, от восхищения к отрицательной оценке и обличению:

«Хлеб – это основа всех основ. В том числе колбасы, котлет, сосисок» (ТВ. КВН. 1.05.97);

«Шедевры соцреализма, выставленные на аукционные торги в г.Нововожединске. В.В.Маяковский. Поэма «Революционный держите шаг! Держите-держите, а то убегают!» (Газета «Авоська». 1997. № 8);

Нами также обнаружено большое количество примеров подобного рода, что свидетельствует о популярности такого приема, его широкой распространенности в наши дни:

Нельзя допустить распродажу России. *Лучше мы ее сами разворуем...* (Суперальманах народных АиФоризмов. Золотая серия. Творчество читателей еженедельника «Аргументы и факты» 1999 г., с.77);

В новом году правительство обещает **стабилизировать рубль.** А если получится – *то два* (там же, с.84);

От нечего делать пьют только недалекие люди. *Умный всегда найдет причину* (там же, с.43).

По отношению к таким построениям, вероятно, не приходится говорить об ожидаемости конкретных лексем или синтаксических структур. Однако можно вести речь о настроенности реципиента на общее понимание первой, ставшей клишированной, фразы, ее патетики, стилистической принадлежности. Вот почему неожиданное присоединение второго предложения вызывает задаваемый автором эффект, в данном случае – комический, сатирический.

Примечания:

1. Еремина О.С. Закономерности формирования синтаксически обусловленного значения слова / О.С. Еремина // Лингвистические парадигмы: традиции и новации: Материалы международного симпозиума молодых ученых «Лингвистическая панорама рубежа веков». – (Волгоград 23-25 мая 2000 г.). – Волгоград: Перемена, 2000. – С.180-183.
2. Казмин В.В. Сложные предложения с соподчинением в современном русском языке / В.В. Казмин. – Краснодар, 1979. – 134 с.
3. Кодухов В.И. Мышление и языковые значения и функции / В.И. Кодухов // Язык и мышление. – М., 1967. – С. 102-122.
4. Корт Г. М. К вопросу о взаимоотношении языка и мышления / Г.М. Корт // Язык и мышление. – М., 1967. – С. 30-37.
5. Рядчикова Е.Н. Семантико-прагматические трансформации синтаксических моделей, или правила игры не по правилам / Е.Н. Рядчикова // Квантитативная лингвистика и семантика: сб. науч. тр. Новосибирского гос. пед. ун-та. Вып. 3. – Новосибирск, 2001. – С. 172-175.